

Наталья Антонова

Прощание с
ПЛЕЙБОЕМ

РАССЛЕДОВАНИЕ
30
ЧАШЕЧКОЙ
7000

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Прощание с плейбоем
Серия «Уютный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46759872
Прощание с плейбоем: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-107357-2

Аннотация

В детективное агентство «Мирослава» обращается крупный бизнесмен и политик Эдуард Шиловский. Единственного сына Эдуарда, известного тусовщика и плейбоя Костю, сбили его собственной машиной.

Помимо обычных грехов молодых и богатых, на совести Константина еще и смерть простого рабочего Артема Солодовникова, любящего мужа и отца. Для детектива Волгиной становится очевидно, что убийство Шиловского совершено из мести. Но все его жертвы – мягкие, порядочные, простодушные люди, обычные жители маленького городка, неспособные постоять за себя. Кому же хватило духа осуществить возмездие?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Антонова

Прощание с плейбоем

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

Глава 1

Золотистый цветок заката, обрызганный слезами дождя, раскрылся и выгнул упругие пурпуровые лепестки на фоне чистого прозрачно-зеленого неба.

Хотелось успокоения и благодати. Но не тут-то было.

Шура ввалился в дом детектива Мирославы Волгиной усталый и расстроенный.

– Ах, Слава, – начал он, чуть ли не с порога, – только ты одна можешь меня спасти!

– Если бегемотик хочет ласки, то поглажу по головке, а если чего-нибудь пожрать, то это к Морису, – усмехнулась Мирослава.

Шура отмахнулся:

– Какое поглаживание! Голодный, я, конечно, как волк, но проблема не в этом.

– А в чем? – спросила она лениво.

– Вы, ребята, газеты читаете?

– Книги, – ответила Мирослава.

– И интернет, если нужна какая-либо информация, – добавил Морис.

– Джунгли! – почему-то возмутился Шура. – Дебри Амазонки! Вы что, не слышали, Константина Шиловского убили! И как!

– И как? – в один голос спросили Морис и Мирослава.

– На машине переехали. На проселочной дороге!

– Ну и что, – пожала плечами Мирослава.

– Ты что, не знаешь, кто такой Шиловский?!

– А должна?

– Это сын Эдуарда Шиловского!

– И что?

– Ну ты даешь! Заладила «и что, и что», – передразнил ее Наполеонов. И не выдержав, снизошел до объяснения: – Эдуард Шиловский не последний парень на деревне, в смысле политики в области! Все уже на уши поставлены! Начальство повелело найти убийцу немедленно!

– А это убийство?

– А что же еще, по-твоему?! – вознегодовал Наполеонов. – Видела бы ты, как его переехали! И вообще, как ты думаешь, что он делал в этой глухомани? Зачем он туда поехал?

– А я должна об этом думать?

– Славочка! Милая, родная, выручай!

– Нет, Шура, ты же знаешь, дружба дружбой, а табачок врозь. Я работаю только за гонорар.

– Но, Слава! Я отдам тебе половину своей зарплаты.

Она весело расхохоталась.

– Чего ты смеешься? – насупился Шура.

– Слишком большие деньги ты мне обещаешь.

– К твоему сведению – зарплату нам прибавили!

– Ха-ха.

– Слава, а если я обижусь?

– Я давно тебя знаю, Шурочка, ты не осел и не глупец.

– Ты, конечно, права. Но если ты не поможешь...

– Нет.

– Слава, между прочим, два года назад Константин Шиловский уже попадал в криминальную сводку новостей, и шум определенный поднимался.

– Да?

– Он парня сбил, чуть ли не на тротуаре возле заводской проходной. На глазах его друзей. Парни как раз со второй смены шли.

– Пострадал только один человек?

– Да. Он первый ступил на дорогу, как только зажегся зеленый, успел сделать всего пару шагов.

– И что, Костю отмазали?

– Да, дело замяли, – опечалился Наполеонов. – А у парня жена осталась и двое детишек.

– Шиловский старший откупился?

– Не знаю. Но...

Послышался звон колокольчика. Значит, кто-то нажал кнопку звонка на воротах.

– Пойду, посмотрю, кто пожаловал, – проговорил Морис.

Назад он вернулся с коренастым господином лет пятидесяти пяти, одетым в итальянский серый костюм.

– Так, – пробормотал Шура себе под нос, – не поминай черта... Господин Шиловский собственной персоной.

– Мирослава Игоревна? – спросил тем временем Шилов-

ский.

– Да, – ответила она, окидывая его оценивающим взглядом.

– Эдуард Бенедиктович Шиловский, – представился он и привычным, почти неуловимым движением выдвинул вперед квадратный подбородок.

Мирославе он напомнил бульдозер и вызвал неприязнь с первого взгляда, но, заметив умоляющий взгляд Наполеонова, она, пересилив свое желание немедленно указать непрошеному посетителю на дверь, проговорила:

– Мое имя вы уже знаете. Мой сотрудник, Морис Миндаугас, следователь Александр Наполеонов.

– И что он здесь делает? – неожиданно жестко спросил Шиловский, бросив злой взгляд в сторону следователя.

– Дружит со мной, – усмехнулась Мирослава и, прочитав недоумение на лице Шиловского, добавила: – С младенчества.

– Друг детства, значит? – недобро усмехнулся Шиловский.

– Значит.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине.

Мирослава хотела возразить, но Шура схватил Мориса за рукав и потащил из комнаты.

– Пошли, пошли, если кто кого и покусает, то точно не он ее.

– Думаешь?

– Уверен. Заодно меня покормишь.

Проходя мимо Мирославы, Наполеонов сунул ей в руку скрученный листок бумаги.

– Пройдемте в мой кабинет, – предложила Мирослава и, не оглядываясь, вышла из гостиной.

Посетитель безмолвно последовал за ней. Заговорил он, как только закрылась дверь кабинета.

– Вы, наверное, уже знаете, – начал Шиловский, – что моего сына...

– Знаю.

– Я заплачу любой гонорар за имя... – Он запнулся.

– Насколько я понимаю, этим делом уже занимаются правоохранительные органы.

– Вы, часом, не издеваетесь надо мной? – вспыхнул Шиловский.

– Нисколько.

– Тогда давайте говорить серьезно. Вы найдете убийцу моего сына?

– Постараюсь, – пожала она плечами, – но, как вы понимаете, стопроцентной гарантии...

– Постарайтесь, – перебил он угрожающе, – очень постарайтесь!

– Если вы, Эдуард Бенедиктович, не смените тон, – спокойно проговорила Мирослава, – то я выставлю вас вон.

Он посмотрел на нее долгим оценивающим взглядом и проговорил нехотя:

– Простите, вы должны понимать, что у меня сдают нервы.

– Это не дает вам права давить на других и вести себя, мягко говоря, невежливо.

– Вы хотели сказать, по-хамски? – усмехнулся он угрюмо.

– Именно это я и хотела сказать, – не стала отрицать Мирослава.

– Вы правы. Приношу свои извинения.

– Принимаю ваши извинения. – Она отлично понимала, что извинился он вовсе не потому, что раскаялся или хотя бы понял, что был не прав. Нет, просто как человек, хорошо изучивший людей, Шиловский понял, что давить на детектива опасно, в любую минуту она может послать его к черту, не принимая во внимание его связи и деньги.

Прежде чем обратиться к Волгиной, он хорошо изучил ее биографию. И знал, что в самом начале своей карьеры следователя она не захотела идти на поводу навязываемой ей версии и спасла от тюрьмы молодого офицера, воевавшего во время чеченской кампании. На парня решили повесить все промахи вышестоящих плюс кражу крупной суммы денег.

Ей приказывали, угрожали, пытались подкупить. В конце концов, в нее стреляли, ранили. А она через неделю сбежала из госпиталя и, несмотря на то что ее отстранили от дела, сумела доказать невиновность парня.

«Как там писал поэт Николай Тихонов в своей «Поэме о гвоздях»: «Гвозди б делать из этих людей: Крепче б не было в мире гвоздей», – насмешливо подумал Шиловский.

Откуда ему было знать, что Мирослава Волгина из той породы людей, что берегут честь своего рода. Попадая в трудные моральные ситуации, она вспоминает своего деда, отдавшего работе в убойном отделе большую часть своей жизни. И думает о том, как поступил бы он. А еще есть прадед, лихой казак, перенесший ссылки, каторгу, прошедший гражданскую войну и не поступившийся своими принципами. Его портрет всегда висел на стене в гостиной ее бабушки и дедушки, и Мирослава столько слышала о его подвигах и добром нраве в мирное время, что ей казалось, она знала его живым и любила. Так что она, Мирослава, не имеет права запятнать их память.

Всего этого Шиловский не знал, но ради того, чтобы узнать имя убийцы своего сына, он был готов вытерпеть нелегкий характер детектива, о котором все в один голос твердили, что это ас своего дела.

– Сядьте и изложите суть, – услышал он ее голос.

– Спасибо, что наконец-то предложили мне присесть, – усмехнулся Эдуард Бенедиктович и расположился за столом напротив Мирославы.

По его позе было заметно, что он не привык чувствовать себя в роли просителя. Выдержав ее пристальный взгляд, он счел нужным объяснить:

– Один влиятельный человек сказал мне, что если кто и найдет убийцу моего сына, то только вы. – Шиловский не стал говорить Волгиной, что поначалу, узнав, что рекомен-

дуемый ему детектив молодая женщина, он отнесся к совету скептически.

Но «влиятельный» человек был так убедителен, оперируя фактами, что Шиловский проникся верой в способности Мирославы. Он начал надеяться чуть ли не на чудо: вот сейчас она взмахнет рукой и из рукава выпадет тот, чьей крови он сейчас жаждет больше всего на свете.

А вместо этого услышал спокойно прозвучавший голос детектива:

– В полиции работают не менее компетентные люди.

Гримаса презрения исказила лицо посетителя.

– Хорошо, – сказала Мирослава, – я слушаю вас.

– Вы, наверное, читали газеты...

– Меня интересует не версия СМИ, а ваш рассказ.

Эдуард Бенедиктович дернул правым плечом, но удержался от колкостей и сказал:

– Два дня назад мой сын не вернулся домой.

– Он живет с вами?

– Нет, он уже взрослый парень и у него своя квартира. –

Он сделал паузу, ожидая, что Мирослава задаст новый вопрос. Но она молчала, и Шиловский продолжил: – Мне позвонила его домработница. Она сказала, что телефон Константина не отвечает.

– Домработница настолько близка с вашим сыном, что может звонить на его телефон?

Шиловский посмотрел в упор на Мирославу и снизошел

до объяснения.

– Евгения Степановна заботилась о Косте с детства. Потом, когда он решил жить отдельно, она ушла с ним, хотя моя жена была категорически против.

– Почему?

– Потому, что Ксении и самой нужна была тетя Женя.

Мирослава не подала виду, что заметила оговорку Шиловского, просто отметила про себя, что домработница сына, вероятно, не один десяток лет прожила в семье Шиловских.

– После звонка Евгении Степановны, – продолжал тем временем Эдуард Бенедиктович, – я и сам встревожился.

– Почему? Думаю, ваш сын и раньше часто гулял до утра.

– Это так, – поморщился Шиловский. – Костя не был паймальчиком, он мог вообще несколько дней не появляться дома, но тетю Женю он всегда предупреждал и не пропускал ее звонков.

– Он мог где-то оставить телефон, – закинула удочку Мирослава...

– Не мог, – отрезал Шиловский. – Поэтому я стал звонить его друзьям, с которыми он чаще всего проводил время. Но двое из них вообще не имели понятия, где Костя. А Леня сказал, что Костя подцепил какую-то новую девицу, откололся от коллектива и укатил с ней.

– Он не знает, как зовут девицу?

– Понятия не имеет.

Шиловский сделал паузу, а потом продолжил:

– Я решил немного подождать, а потом задействовать службу безопасности. Не мог же мой сын испариться. Они бы непременно его разыскали в любом клубе, гостинице, на квартире.

У Эдуарда Бенедиктовича перехватило дыхание, он порылся в кармане пиджака и сунул в рот какую-то таблетку.

Мирослава расправила на столе лист бумаги, который второпях сунул ей в руки Наполеонов, и быстро пробежала глазами строки: «Артем Григорьевич Солодовников сбит автомобилем Константина Шиловского два года назад. Остались мать, жена, двое детей».

– Короче, их услуги не понадобились, – проговорил, отдышавшись, Шиловский. – В новостях передали, что на проселочной дороге обнаружен труп молодого мужчины, и в его кармане найдено водительское удостоверение на имя моего сына. Я сразу поехал туда. Это был мой Костя. Самое ужасное, что его переехала его собственная машина, – с трудом выдохнул Шиловский.

– Ваш сын позволял садиться за руль посторонним?

– Насколько я знаю, нет.

– А друзьям?

– Думаю, что и им тоже.

– Но не уверены?

– Нет.

– Получается, что ваш сын не только позволил кому-то сесть за руль своей машины, но и оставил его за ним сидеть,

когда сам по какой-то причине покинул салон и вышел на дорогу.

– Получается, – нехотя согласился Шиловский.

– И вы даже не можете предположить, кто мог воспользоваться доверием Константина.

– Не могу. К тому же моего сына нельзя назвать доверчивым!

– И тем не менее.

– Тем не менее, – поморщившись, согласился Шиловский и проинформировал: – Позднее я задействовал весь имеющийся у меня ресурс, но полиция за два дня не сдвинулась с места. Они понятия не имеют, кто мог сбить моего сына.

– А вы, Эдуард Бенедиктович?

– Что я?

– Вы подозреваете кого-то?

– Вы уже спрашивали!

– Я настаиваю.

На миг Шиловский замялся, но потом все-таки сказал:

– Нет.

Мирослава отвернула голову в сторону и молчала.

– Почему вы молчите? – не выдержал Шиловский.

– Думаю...

– О чем?! – Он повысил голос.

Она не ответила.

В который раз убедившись, что давить на детектива бесполезно, он решил обратиться к ее человеческим качествам.

– Поймите, – воскликнул он. – Костя мой единственный сын!

– Два года назад, – тихо проговорила она, – ваш сын сбил человека. Он тоже был у матери единственным сыном. У погибшего остались малолетние дети.

– Но это же стечение обстоятельств!

– Каких? – Она посмотрела на него вопросительно.

– Так уж получилось, – пробормотал он, пытаясь скрыть смесь растерянности и раздражения от ее осведомленности. «Когда успела?» – думал он.

– Вам никогда не приходило в голову, что за все нужно платить? – спросила Мирослава спокойно.

– Это чудовищно!

– Я согласна...

– Вы что, издеваетесь?!

– Нет, конечно.

– Я плачу вам за работу, а не за нравоучения, – побагровел он.

Она снова отвернулась к окну. Больше всего на свете ей хотелось послать его как можно дальше. Но усилием воли Мирослава сдержалась. Она должна размотать этот клубок до конца просто потому, что она детектив и раскрывать преступления ее работа.

– Назовите мне имена друзей вашего сына.

– Самые близкие – Леонид Сапрыкин, Макар Сазонов, Филипп Митяев.

– Их телефоны и адреса.

Шиловский продиктовал все, что она просила.

– Насколько я понимаю, любимой и единственной девушки у вашего сына не было?

– Вы правильно понимаете, – ответил он с плохо скрываемой иронией.

– Но девушки были?

– Девицы! Разницу чувствуете?

– Чувствую. Много?

– Что много?

– Было этих девиц у вашего сына.

– Не считал.

– Но вы хотя бы их знали? Или некоторых из них?

Шиловский презрительно фыркнул.

– Понятно. – Она задумчиво постучала пальцами по столу.

– Но если они вам нужны, – решил помочь ей Шиловский, – вы можете расспросить о них у ребят.

Поймав вопросительный взгляд Мирославы, пояснил:

– У Лени, Макара и Фили.

– Спасибо, я так и сделаю. Но хоть каких-то девушек вы знаете?

– Вы уже спрашивали об этом.

– И тем не менее.

Эдуард Бенедиктович нехотя взял ручку, притянул к себе лежащий на столе лист бумаги и, что-то написав на нем,

подтолкнул лист в сторону детектива.

Мирослава увидела там имена трех девушек.

Шиловский облизал пересохшие губы и мысленно укорил себя: «Черт! Я никогда еще так не волновался, как при разговоре с этой детективщицей».

– Еще мне нужно поговорить с домработницей вашего сына, – донесся до него голос Мирославы.

Шиловский насторожился, но потом, что-то решив для себя, сказал:

– Хорошо, я предупрежу тетю Женю. Запишите адрес и телефон.

После чего Мирослава сказала:

– Пока это все. Когда вы мне понадобится, я с вами свяжусь. Ваш телефон.

Шиловский вынул визитку и молча положил на стол перед ней.

– Хорошо.

– Сколько я вам должен? – спросил Шиловский, сверля ее глазами.

– Пока вы внесете задаток и подпишете договор. Этим занимается мой помощник Морис Миндаугас, пройдите, пожалуйста, в приемную.

Шиловский хотел что-то сказать, но не успел, Мирослава выскользнула из дверей вперед него и буквально испарилась. Свое недовольство Эдуард Бенедиктович выразил в приемной Морису, но тот, никак не прореагировав на вспышку

его гнева, предложил уплатить названную сумму и подписать договор.

– Вы немец? – неожиданно спросил Шиловский.

– Ну, почему сразу немец, – хладнокровно заметил Миндаугас, – я литовец.

– Все одно, – пробурчал клиент и, уходя, с грохотом захлопнул за собой дверь.

Морис пожал плечами и аккуратно закрепил подписанный клиентом договор в папке. Провожать его до машины он не пошел, решив, что ворота закроет потом, нажав на автоматическую кнопку в холле.

Шура сидел на кухне, сосредоточенно дожевывая кусок яблочного пирога. Он повернул голову только потому, что Дон, коротко мяукнув, спрыгнул со своего кресла и направился к дверям. Вошедшая Мирослава подхватила кота на руки и нежно прижала к себе.

– Как ты ходишь! – не удержался Наполеонов.

– Как? – улыбнулась она.

– Бесшумно, как кошка!

– Так с кем поведешься, – отшутилась она.

– Ну, что? – спросил Наполеонов нетерпеливо.

– Что что? – переспросила Волгина.

– Слава! Имей совесть!

– Что именно тебя интересует?

– Ты взялась за дело Шиловского?

– Да, – выдохнула она грустно.

– Порядок! – повеселел Шура.

– До порядка, Шурочка, еще очень далеко.

– Ничего, ты справишься.

– Спасибо за твою веру в меня.

– Я всегда в тебя верил. И для тебя сделаю все, что захочешь, – заверил он ее и потянулся за вторым куском пирога.

– Насколько я понимаю, – проговорила Мирослава, – начав расследовать гибель Шиловского, ты затребовал дело двухлетней давности о его наезде на Солодовникова.

Он кивнул.

– Надо же было с чего-то начинать.

– Ты решил, что это месть?

– Не совсем. Ведь прошло уже два года. Если бы хотели отомстить, то отомстили бы сразу.

– Говорят, что месть – блюдо, которое подают холодным, – возразила Мирослава.

– Я с этим не совсем согласен. Но на всякий случай прочитал дело.

– И никаких зацепок?

– Я их не нашел. Посуди сама. У Солодовникова осталась старая больная мать, жена и двое малолетних детей.

– Жена не мстительница...

– Конечно, ей детей растить надо.

– А друзья Солодовникова?

– Я сомневаюсь, чтобы друзья стали мстить. Тем более особо близких друзей у него и не было.

Мирослава взяла чашку, налила чай. Но пить не стала.

– Почему ты подумала, что это месть? – спросил Наполеонов.

– Потому что его переехали его собственной машиной.

– Ну и что, – пожал плечами Шура. – Может, просто его нечем больше было переехать.

– Шутишь?

– Нет. Предполагаю, что убийство было спонтанным. Убийца не собирался расправляться с Шиловским. Но потом они поссорились и...

– Как убийце удалось уговорить Шиловского не только уступить ему место за рулем, но и выйти из автомобиля?

– Не знаю. Может, убийца был не один, и они просто выволокли его.

– Положили на дорогу, и он послушно остался лежать.

– Они могли оглушить его.

– Экспертиза что-то говорит о прижизненных повреждениях черепа?

– Увы, таковые не обнаружены, – проговорил с сожалением Наполеонов.

– А содержание алкоголя в крови?

– Да, Шиловский был сильно пьян. Однако не до бессознательного состояния.

– Степень его опьянения хотя бы объясняет, почему он не сам был за рулем.

– Ничего она не объясняет, – буркнул Наполеонов, – на

руле только его отпечатки.

– Убийца мог быть в перчатках.

– Пожалуй, но это бы насторожило Шиловского.

– Убийца мог надеть перчатки, уже выпроводив Шиловского из машины.

– Или протереть руль после наезда.

– А в салоне есть отпечатки не Шиловского?

Наполеонов кивнул:

– Довольно много.

– Вы взяли отпечатки у его друзей?

– Взяли. Они и не отрицают, что часто ездили на его машине по клубам. Но ты же не забыла, что были еще и случайные приятели, девушки.

– Не забыла.

– Так что история с отпечатками пустой номер.

– Возможно, ты прав. А что тебе известно о семье Шиловского?

– У него отец, мачеха и няня.

– Няня?

– Они именуют ее домработницей. Но Евгения Степановна Белова вырастила не только Константина, но и Эдуарда Шиловского. Сейчас старушке семьдесят восемь лет.

– А где мать Константина?

– Эдуард Бенедиктович сообщил, что он разошелся с женой, когда сыну было пять лет. Теперь бывшая жена замужем и проживает с мужем-итальянцем и двумя детьми в Италии.

– Проверили?

– Пока нет. Но выясним.

– А что известно про его вторую жену?

– Ксения Витальевна Шиловская. Уроженка Пскова. Двадцать шесть лет. Бывшая модель. В браке с Шиловским два года.

– Детей нет?

– Пока нет.

– В каких отношениях она была с пасынком?

– Эдуард Шиловский и Евгения Степановна Белова сказали, что в ровных.

– И как ты это расшифровал?

– Что расшифровал?

– Ровные отношения?

– Думаю, что были друг с другом вежливы и не ссорились.

– Прилюдно.

– Может быть.

– Скорее всего, особой любви ни пасынок, ни мачеха друг к другу не испытывали.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что им предстояло в будущем делить наследство.

– Как видишь, нет.

– Вот именно.

– Ты что же, думаешь, что Константина убила мачеха?

– Пока я так не думаю. Но версия интересная...

– Ну...

– Сам подумай, кто может быть больше других заинтересован в убийстве Шиловского?

Наполеонов тяжело вздохнул. Дон потянулся к чашке Мирославы с остывшим чаем. Она поднесла ее к носу кота, но тот отвернулся. Мирослава допила остывший чай.

Глава 2

Капли прошедшего ночного дождя дрожали на лепестках чайной розы, растущей под окном. Небо было упоительно голубым, но слипшиеся облака-барашки снова предвещали дождь.

Миндаугас недолюбливал дождливые дни, поэтому, сервируя стол к завтраку, в окно поглядывал неодобрительно. Конечно, он понимал, что саду нужна влага, поэтому и молил небо, чтобы дождь был сильным, но кратковременным.

Морис еще с вечера изучил в интернете все, что только удалось найти на Шиловских – отца и сына, а также на молодую мачеху Константина. Как ни странно, но жена Шиловского-старшего Ксения Витальевна Шиловская, несмотря на свою молодость и красоту, не была замешана ни в каких скандалах и подозрительных связях. Вела себя сдержанно, и если и появлялась на каких-то светских тусовках, то только вместе с мужем.

Шиловский-старший слыл человеком крутым в деловых кругах, но лишнего внимания тоже старался к себе не привлекать. Чего нельзя было сказать о Шиловском-младшем. Для описания его похождениям потребовалось бы несколько томов. Один скандал цеплялся за другой. Константин спускал отцовские деньги, пил, бузил, устраивал пьяные дебоши в клубах, менял девиц со скоростью гораздо большей, чем

изысканный модник меняет свои перчатки. Прийти в клуб он мог с одной девушкой, а уйти уже с другой. Его барышни дрались между собой, вырывали друг у друга волосы и расцарапывали лица. Константина Шиловского все это только веселило. Чаще всего он сам подзадоривал девиц, обещая нехилые бабки победительнице. А дурехи и рады были стараться.

Правда, удалось выяснить, что три из них были в вялотекущих, условно-постоянных отношениях с Шиловским. Отношения эти то прерывались, то возобновлялись. Именно именно этих девушек и оставил Мирославе Шиловский-старший.

За завтраком Морис изложил Мирославе подробный отчет о своих изысканиях.

– Я думаю, что к правде здесь примешано немало вранья, – задумчиво проговорила она.

– Не без этого, – согласился с ней Морис. Он знал, что Волгина мало доверяет источникам из интернета, но считал, что пренебрегать и этой возможностью извлечения информации не стоит. Просто по ходу дела нужно отделять зерна от плевел. Хотя подчас это задача не из легких.

Мирослава сказала, что начнет она с так называемых друзей Константина. Оказывается, что она вчера тоже не теряла времени, созвонилась с Шурой и попросила перекинуть ей на почту все, что у него есть на друзей Константина Шиловского.

И, несмотря на то что на ужин следователь приехать не соизволил, просьбу подруги детства Наполеонов выполнил. Информации было, конечно, не густо, но хотя бы можно было составить первое впечатление о каждом из них. Предупредить их звонком Волгина не собиралась. Адреса парней она получила от Шиловского-старшего.

Итак, Леонид Сапрыкин. Сын владельца сети пивных магазинов. Временно не работает и не учится. Его так называемое временное безделье продолжается уже три года. Сапрыкин завсегда ночных клубов, зависает в них, как правило, до утра. Выходит, что отсыпается он днем. Так что самое время вытащить голубчика сонным из постели и вытрясти из него все, что возможно.

Морис вытарачил глаза, увидев элегантно одетую Мирославу. Небрежным тоном она приказала ему занять место водителя в «БМВ» и отвезти ее на Волжский бульвар. Придя в себя от первого впечатления, он пожал широкими плечами и молча сел на место водителя. В город они приехали в то время, когда подавляющая часть порядочных людей спешит на работу.

Волжский бульвар утопал в зелени лип, ясеней и кленов. С Волги дул легкий ветерок. Если прислушаться, то можно было услышать доносящиеся из речного порта крики неугомонных чаек.

– Какой дом мы ищем? – спросил Морис.

– Двенадцатый.

Морис опустил окно, высунулся из машины и посмотрел на нумерацию стоящих ровными рядами домов. Дома почти все были сталинками. Но, несмотря на давность постройки, из-за престижности района и удобной планировки, до недавнего времени квартиры в них активно скупались новоявленными буржуа.

Морис свернул в нужный двор и доехал на автомобиле чуть ли не до подъезда. Ясное дело, что «БМВ» загораживал жильцам выход из подъезда и вход в него. Но зато подобная наглость произвела неизгладимое впечатление на наблюдавшего за подъехавшими через стекло консьержа. Он даже не задал Мирославе вопрос, к кому она и зачем идет, только подобострастно раскланялся.

В ответ она не удостоила его даже кивком головы. И лишь преодолев несколько крутых лестничных пролетов, остановилась на полминуты и выдохнула – как же трудно быть стервой.

Ей оставалось пройти примерно столько же. Лестницы в сталинках были намного круче и длиннее, чем во всех других домах. Неизвестно, о чем, вернее, о ком думали инженеры тех лет, проектируя подобную крутизну и отсутствие в доме лифта. Может, они предполагали, что жильцов на верхние этажи будут носить носильщики-лектикарии, как в античные времена в Древней Греции и Риме. Но, насколько известно, при советской власти рабы были запрещены, и о лектике известно только любителям истории и дотошным чита-

телям классической литературы.

Мирослава наконец поднялась на нужный этаж и позвонила в дверь, за которой, по ее мнению, почивал измотанный ночными променадами Сапрыкин. На ее звонок никто не ответил. Гулкая тишина была ответом и на второй, третий, четвертый звонки.

Приоткрылась дверь угловой квартиры. Оттуда высунулась бородатая всклокоченная голова.

– Вам Леньку надо? – спросила голова.

– Угадали, – кивнула Мирослава.

– Да разве же вы его так добудитесь. – Мужчина раскрыл дверь шире, и Мирослава увидела его фигуру полностью. Спортивные штаны ее не удивили. Но грудь! Такой шерсти она не видела даже на груди орангутанга в зоопарке.

Мужчина подошел к ней и сказал:

– Эти ваши звонки для Леньки как комариный писк! Он же домой приходит под утро и еле на ногах стоит. Вот как надо стучать, – пояснил он, повернулся к двери задом, согнул ногу и стал бить в нее пяткой.

– А вы ногу не отобьете? – невольно забеспокоилась Мирослава.

– Нет, у меня тапки подкованные, – улыбнулся он во весь рот.

– Тогда ладно.

Стук продолжался не менее пяти минут, но больше никто из соседей не высунулся.

«Наверное, ушли на работу», – подумала Мирослава.

И вот за дверью послышалось шарканье ног, потом отборный мат.

– Ну вот, я же говорил! – обрадовался отзывчивый сосед. – Ленька проснулся! Сейчас гром и молнии метать будет, так что я сматываю удочки. Разбирайтесь с ним сами.

– Спасибо, – поблагодарила Мирослава.

– Да не за что. Если что, обращайтесь. – И сосед скрылся за своей дверью прежде, чем распахнулась дверь сапрыкинской квартиры.

Мирослава увидела сердитого парня с помятым лицом в расстегнутой пижаме.

– Кто это тут ломится с утра пораньше? – спросил он раздраженно.

Мирослава молча толкнула его в грудь, и Сапрыкин влетел в глубь квартиры.

– Эй! Ты кто? Грабительница? А где твой пистолет? – Он заржал так громко, что позавидовал бы конь в колхозной конюшне.

– Детектив Мирослава Волгина! – Она сунула ему под нос лицензию и тотчас убрала ее.

– И че?! – захолопал он глазами.

– Гражданин Сапрыкин Леонид Сергеевич?

– Не гражданин, а господин, – поправил он, пытаясь напустить на лицо солидность.

– Топай в ванную, господин, – усмехнулась Мирослава.

– Чего это сразу в ванную? – возмутился он. – Неизвестно кто такая и откуда, и в ванную! У тебя справка от венеролога есть?

– Иди быстро, иначе у тебя скоро будет справка от травматолога.

– Да зачем мне туда идти?

– Умойся холодной водой.

– Я не могу холодной! Я нежный! Могу простудиться.

Мирославе надоело с ним пререкаться, она затолкала его в ванную комнату, наклонила голову над раковиной и открыла кран с холодной водой. Сапрыкин отфыркивался, вопил благим матом и пытался вырваться, но его организм, ослабленный постоянными ночными распитиями алкоголя и другими «нехорошими излишествами», не мог оказать достойного сопротивления натренированному детективу.

– Все! Все! Я протрезвел! – наконец выкрикнул он. – Кофе хочу!

Она отпустила его.

– Где у тебя кухня?

– Там! – указал он.

– Ну, иди первым, – усмехнулась она, – а то в твоих джунглях недолго и заблудиться.

В коридоре было несколько дверей. Не иначе как любвеобильный отец выкупил для сыночка, по крайней мере, две квартиры и соединил их в одну.

По мнению же Мирославы, таких, как Леонид Сапрыкин,

нужно было отправлять на перевоспитание в трудовой лагерь, который расположен на необитаемом острове. Только в таком месте ты или все научишься делать своими руками, или пропадешь.

– Вон она, кухня, – сказал Леонид и потопал прямо.

Оказавшись на кухне, он подошел не к плите и не к шкафчику, чтобы достать кофе, а к холодильнику.

Распахнув его, он спросил:

– Пиво будешь?

– Я не пью пива.

– Это еще почему?

– Как говорил великий Кант: «Пиво – пища дурного вкуса».

– Это еще кто такой? Заместитель вещателя Онищенко?

– Нет, это философ немецкий.

– Не слыхал. Но знаю, что все немцы пиво лакают в два горла.

– Предположим, не все. Но это не важно, – она захлопнула холодильник, – вари быстро кофе. У меня к тебе есть разговор.

– Да что ты ко мне с утра прилипла как банный лист к... – но увидев ее взгляд, он поперхнулся собственной слюной. А, откашлявшись, достал турку, налил воду и поставил ее на огонь. Потом поплелся к шкафчику за кофе, бормоча себе под нос: – Вот зараза, навязалась на мою голову.

– Чего ты там лепечешь? – спросила Мирослава.

– Утреннюю молитву.

– Ну-ну, молись поскорее, а то мне недосуг с тобой прохлаждаться.

– Ясно, что не до них, – «остроумно» пошутил он, не удержавшись, – тебе же кобелей надо.

– Сапрыкин, если ты не утомонишься, я применю к тебе спецмеры.

Он хотел спросить, что за спецмеры, но, вспомнив все статьи в интернете, где писалось о пытках в полиции, решил на всякий случай прикусить язык. Он молча сварил кофе. Налил себе и ей в красивые чашки с фривольными пастушками, грохнул на стол сливки, сахар и вчерашний бисквит.

Мирослава взяла чашку и подержала ее в руках, потом поставила на стол.

– Чего нос воротишь, – обиделся Сапрыкин, – кофе я хорошо варю.

Мирослава кофе не любила, но все-таки решила попробовать. Он и впрямь был хорош.

– Хоть что-то умеешь делать на отлично, – сказала она.

– А то! – Сапрыкин расправил плечи и выпятил грудь.

Когда кофе был допит, а чашки вымыты, Волгина сказала:

– А теперь давай с тобой поговорим о дружке твоём, Константине Шиловском.

– А чего о нём говорить, – фыркнул Сапрыкин, – Коська того, – он картинно сложил руки на груди и закатил глаза, – сыграл в ящик.

– А ты, я вижу, не очень-то о нем и печалишься.

– А чего мне о нем печалится, я ему не мать родная, не отец.

– Друг все же.

– Скажешь тоже друг, – усмехнулся он, – так, отрывались вместе в клубешниках.

– И все-таки живой был человек.

– Вот именно был! Да и сам Коська никого особенно не жалел.

– Вот как?

– А чего удивляешься? Все теперь так! Каждый за себя. Это раньше, вон дед все тархтит – один за всех. Какой там один за всех, о своей шкуре надо думать.

– Так ты, Леня, и о своей не очень-то думаешь.

– Чего это я не думаю? – ощетинился Сапрыкин.

– Ну, как же, нигде не учишься, не работаешь, ведешь паразитический образ жизни на деньги отца.

– Вот только не надо мне этого ля-ля. Тоже выискалась тут моралистка!

– У тебя даже инстинкт самосохранения отсутствует.

– Какой еще такой инстинкт?!

– Ну и темная же ты личность, Леонид.

– Чего это темная? – обиделся он. – Инстинкт я понимаю. Мой инстинкт хорошо оторваться, выпить, закусить, потрахаться.

– Точно паразит, – констатировала она.

– Но-но! Я свободная личность! И никому не позволю себя оскорблять!

– А что ты будешь делать, когда не станет твоего отца?

– Как это не станет? – искренне удивился Сапрыкин. – Куда же он, по-твоему, денется?

– Твой отец не Кощей бессмертный...

– Это точно, – рассмеялся Сапрыкин, – но если даже папаша склеит лапы, деньги-то его останутся.

– Надолго ли тебе их хватит, – с сомнением проговорила Мирослава.

– Это уж мое дело, – пробурчал он.

– Ты прав. Поэтому вернемся к Константину.

– Да сдался он тебе! Чего к нему врачивать, помер Костик, и точка.

– До точки ой как еще далеко.

– Почему это?

– Следствию неизвестно, кто убил Константина Шиловского. А тебе?

– А что мне-то?

– Ты знаешь, кто его убил?

– Совсем сбрендил! Это все потому, что ты пиво по утрам не пьешь и водишься с каким-то Кантом.

– Он умер.

– Кто?

– Кант. В восемнадцатом веке.

– Ничего себе! А ты все поминаешь его. Забыть давно по-

ра.

– Не у всех же такая короткая память.

– На чью это память ты намекаешь?

– Не намекаю, а говорю о твоей памяти.

– Все, что мне надо, я помню.

– Тогда вспомни тот вечер, когда вы тусили вчетвером, а потом Константин исчез из клуба.

– Во-первых, тусили мы всемером, с нами еще девчонки были, а во-вторых, я за Костиком не следил. Он вообще неумный был и каждый вечер подцеплял новую телку и с ней куда-то уматывал.

– Куда?

– Откуда я знаю? Я ж ему не охранник.

– А у Константина вообще была охрана?

– Не было. На фиг она ему?

– Его могли украсть и потребовать у отца выкуп.

– Пусть об этом голова болит у его папашки.

– Отболела уже.

– Что отболело?

– Голова у Шиловского-старшего.

– А, ну да.

– Ты не заметил, когда именно Константин ушел из клуба?

– Я же уже говорил, что не следил за ним!

– А с какой девчушкой он общался в тот вечер?

– Сначала с нашими девчонками. Потом вроде с какой-то чернявой, потом с рыжей, потом с блондинкой. Вот! Точно!

Вспомнил!

– Что вспомнил?

– С блондинкой он куда-то исчезал. Его еще пацаны спрашивали, как она.

– В смысле?

– В смысле, что, скорее всего, он ее в туалете трахнул.

– Так, – проговорила Мирослава невозмутимо, – а потом куда делась эта блондинка?

– Она потом с Филькой хороводилась. И он вроде тоже хотел с ней оторваться, но у него облом вышел.

– Откуда это известно?

– Филипп ругался сильно.

– Ага. И куда девушка делась потом? Вернулась к Константину?

– Нет, к Коське она не вернулась. Скорее всего, ушла домой.

– И Константин остался один?

– Нет, Коська не мог один оставаться.

– А с кем?

– Не помню, – признался он, – я тогда уже сильно пьяный был.

– Как же ты добрался домой?

– Шофер довез.

– Такси?

– Нет, – замотал он головой, удивляясь ее непонятливости, – мой шофер, личный. Мне батя его специально выде-

лил, чтобы он меня домой доставлял.

– А у Константина был шофер?

– Нет, зачем ему, он так, как я, не напивается.

– А где сейчас ваш шофер?

– Дома, где же ему быть, – повел плечами Сапрыкин, – отоспится и вечером приедет.

– Где твой телефон?

– Откуда я знаю!

– А номер помнишь?

– Ну, помню.

– Говори!

Он продиктовал номер, телефон зазвенел, и они пошли на его звук. Телефон оказался в спальне.

– Так я и знал, – сказал Сапрыкин, – ты с самого начала хотела затащить меня в постель! Но ничего у тебя не выйдет! Я не такой!

– В смысле, голубой? – улыбнулась Мирослава.

– Типун тебе на язык! Просто после пьянки-гулянки я...

– Импотент, понятно. – Она сунула ему в руки телефон. –

Звони!

– Кому? – удивился он.

– Шоферу своему.

– Зачем?

– За надом!

– Так он спит!

– Разбудишь.

Сапрыкин замялся.

– Звони, или поедem в отделение, – решила припугнуть его она.

– В полицию, что ли? – встрепенулся он.

– Ну, не в клуб же!

Сапрыкин взял телефон и набрал номер водителя, дождался, пока он ответит, и велел:

– Приезжай ко мне срочно!

Водитель, вероятно, тоже хотел выяснить, за какой такой надобностью ему приезжать к шефу в столь раннее время, но Сапрыкин бросил: «Быстро, я сказал» и отключился. Обернувшись к Мирославе, он недовольно пробурчал:

– Сейчас примчится.

– Прекрасно.

– А мне что делать?

– Думать о смысле жизни.

– О чем о чем? – удивился он.

– О том, что «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

– Это че, ты сейчас придумала?

– Нет, это сказал писатель Николай Островский.

– Фу-ты ну-ты, то философ, то писатель, с тобой не соскучишься. Лучше я пойду, посплю. Ты сама Пашке дверь открой. А когда уходить будете, пусть Пашка дверь своим ключом закроет.

– А что, у водителя есть ключ?

– А как же? – всплеснул руками Сапрыкин. – А если я, вздремнувши с устатку, и звонков не слышу, как он ко мне войдет?!

– Иди уже! – отмахнулась от него, как от надоедливой мухи, Мирослава.

– Вот правильно умные люди говорят, что бабу на свою жилплощадь ни в коем разе пускать нельзя, тут же начинает командовать.

Мирослава бросила на него такой уничижительный взгляд, что он сразу поспешил уйти, бормоча на ходу:

– Да ухожу же я уже, ухожу.

Мирослава подошла к окну и стала смотреть вниз. Через двадцать минут подъехала «Мицубиси». Морис к этому времени уже отвез свой «БМВ» на небольшую стоянку в трех шагах от дома.

Из «Мицубиси» выбрался парень атлетического сложения лет двадцати восьми. Его плотную фигуру обтягивал темный, хорошо сшитый костюм. Он поднял голову и посмотрел вверх, но Мирослава в это время уже отошла от окна и встала там, где водитель снизу заметить ее не мог. Потом она вышла в прихожую и услышала, как он поднимается по лестнице. Дождалась, когда он позвонит, и открыла дверь.

– Вы кто? – спросил водитель.

– Мирослава.

– А, очередная, – процедил он. – Где хозяин?

– В квартире.

– Знамо дело, что не на улице, – хмыкнул Павел.

– Вы проходите на кухню.

– Смотри, какая вежливая. – Он посмотрел на Мирославу с интересом и, поморгав, протянул: – Что-то я таких у Лени не встречал.

– А сегодня встретили, садитесь. – Она развернула перед ним свое удостоверение.

– Фу-ты ну-ты, – совсем как хозяин воскликнул водитель, а потом спросил: – Ну и чего вы от меня хотите?

– Узнать, с кем вышел из клуба в роковой для себя вечер Константин Шиловский.

– Так я в машине снаружи сидел!

– Вот и получается, что видели всех выходящих, в том числе и Константина.

– Ну видел, видел я Шиловского в тот вечер. Вышел он с очередной фифочкой, усадил ее в машину, сел сам, и укатили они в неизвестном направлении.

– Как выглядела девушка?

– Как, как! Обычно! В сером плаще с капюшоном, из-под плаща выглядывал край платья черного цвета с блестками.

– Почему она была в плаще?

– Так дождь же накрапывал. А плащик тоненький, специально, чтобы платье и прическу не замочить.

– А лицо ее вы запомнили?

– Лица я не видел. Она что-то щебетала, хихикала и к Константину прижималась.

– Какого она роста?

– Среднего. Точно ниже вас. На голову или больше... – проговорил он задумчиво.

– Вы не слышали, о чем они говорили?

– Нет. Тем более что щебетала только она. Константин молчал и улыбался. Вот его лицо мне было хорошо видно.

– На нем не было испуга?

– Смеетесь, что ли? Какой испуг?! Парень вез красотку и предвкушал удовольствие.

– И, конечно, вы не знаете, повез он ее к себе домой или в гостиницу.

– Откуда! Но судя по тому, где нашли Константина и его машину, их зачем-то понесло за город...

– Знать бы еще зачем.

– Либо она сказала, что у нее там есть укромная дачка, либо она любительница секса на природе.

– А Константин?

– Точно я не знаю, но, по-моему, всем этим парням все равно где и с кем.

– Вам приходилось возить Сапрыкина в лес или на речку?

– Леонид, между нами, не сексуальный гигант. Ему бы выпить и поесть. А девочки так, время от времени. И то те, что из приближенного круга.

– Вы имеете в виду Пегову, Сайкову и Бердникову?

– Их самых, – вздохнул водитель.

– Чего это вы, Паша, так тяжело вздыхаете?

– Не понимаю я таких девок!

– Отчего же, деньги...

– Так они и сами не из бедных, у станка не стоят, навоз за коровами не убирают, кирпичи на стройке не кладут. Папа с мамой им денежки отстегивают.

– Наверное, мало, – предположила Мирослава.

Павел пожал плечами.

– Ну, ладно, – сказала Волгина, – спасибо за помощь. Пора нам покинуть гостеприимный кров. Сапрыкин сказал, что у вас есть ключ и вы сами закроете квартиру.

– Есть, как не быть, – ответил Павел, – его порой ничем не добудишься. Гавриил затрубит в трубу, он и то не услышит, так и конец света проспит.

Павел закрыл квартиру, и они вместе спустились вниз. На улице он махнул ей на прощание рукой, сел в машину и укатил. А Мирослава направилась на стоянку к «БМВ», в салоне которого ее терпеливо ждал Морис. Когда выехали на шоссе, она не спеша пересказала ему о том, что произошло в квартире.

– А завтра? – спросил он.

– Завтра к Сизикову.

Остаток дня и вечер прошли тихо, без большой готовки и суеты. Наполеонов позвонил заранее и сказал, что не придет.

– Кобыла с воза... – пробормотала Мирослава и уткнулась носом в книгу.

Морис в ответ на это утверждение только загадочно улыбнулся и не проронил ни звука.

Глава 3

На следующее утро снова пришлось вставать рано, так как Макар Сизиков был студентом, учился на экономическом факультете, и Мирослава рассчитывала поймать его до занятий.

Она ломала себе голову над тем, как это Сизиков умудряется учиться и гулять по ночам. Может, он вообще пропускает утренние лекции и сессии сдает при помощи родительских денег в конвертах. Тем более что учится он на платном факультете...

«И куда нашей многострадальной стране столько экономистов», – вздохнула она про себя.

Сизикова она поймала на крыльце дома. У нее была его фотография, но внимание она обратила на него в первую очередь потому, что он галопом мчался к дороге и выкрикивал на ходу:

– Такси! Такси!

Автомобиль Мирославы резко затормозил прямо перед носом студента. Он несколько мгновений молча смотрел на бампер перед его носом, потом бешено заорал:

– Вы что, с ума сошли?! Вы меня чуть не сбили!

Мирослава высунулась из окна автомобиля и с милой улыбкой проговорила:

– Чуть не считается.

– Да вы... Да вы... – давился словами Сизиков.

– Просто я очень спешила.

– Куда? – спросил он обалдело.

– К вам! – Она снова улыбнулась. – Вы хотели такси, так ваше такси это я.

– Вы не такси, – попробовал протестовать он.

– Но вы опаздываете или нет? – продолжая улыбаться, спросила она.

– Опаздываю! – Он глянул на часы и чертыхнулся, потом юркнул в предусмотрительно открытую детективом машину. Дверь закрылась.

«Можно сказать, что мышеловка захлопнулась», – удовлетворенно подумала она. А вслух сказала:

– Так вот вы какой, Макар Сизиков.

– Что? – воскликнул он. – Вы меня знаете? Остановите немедленно машину! Я с вами не поеду!

– Это еще почему? – делано удивилась она.

– Вот таким же образом похитили моего друга!

– Да ладно заливать!

Макар аж онемел от злости, а потом прошипел:

– А потом его изощренно убили!

– Вы имеете в виду Константина Шиловского? – невинно поинтересовалась она.

– Его. А откуда вы знаете?

Мирослава сунула ему под нос свою лицензию.

– Вы детектив?!

– Как видишь.

– Но зачем вы меня похитили?

– Я вас не похищала. Вы сами сели в автомобиль.

– Но...

– Мне нужно с вами поговорить.

Успокоившийся Макар сказал:

– Могли бы и к себе вызвать.

– Могли, – не стала спорить она, – но так сподручнее. Вы не находите?

Он покачал головой и ничего не ответил.

– Вы говорите, что Шиловского похитили, но свидетели утверждают, что это он посадил в свою машину девушку и увез ее в неизвестном направлении.

– Какую девушку? – спросил безо всякого интереса Сизиков.

– Это я как раз и хочу узнать у вас.

– Но меня там не было! – воскликнул он.

– То есть?! – Брови детектива взлетели вверх. – Вы ничего не путаете?

– Да ничего я не путаю, – отмахнулся он и пояснил, – сначала я там, конечно, был, но ушел раньше. Я всегда ухожу раньше, так как мне с утра на занятия.

– Кто может подтвердить, что вы ушли раньше?

– Да кто угодно, бармен, официант, Ленька, Филя, девчонки.

– Хорошо, достаточно. Значит, вы не видели, как уходил

Шиловский?

– Не видел. Когда я был там, он еще танцевал с какой-то шалавой.

– Почему с шалавой?

– А кого вы там в час ночи надеетесь встретить? – ухмыльнулся Макар.

Мирослава имела собственную точку зрения, но спорить с Сизиковым не стала.

– Вы хорошо запомнили девушку, с которой танцевал Шиловский?

– Я ее вообще не запомнил!

– Почему?

– Потому, что если запоминать всех девиц, с которыми якшался Костя, голова опухнет!

– Их было так много?

– Очень!

– А кто-нибудь мог запомнить эту девушку?

– Если только Филька, – с сомнением в голосе проговорил Сизиков.

– Почему в отличие от вас Митяев мог ее запомнить?

– Ленька говорил, что Филька к ней клеился...

– Понятно. А что вы можете сказать о Тамаре Пеговой, Екатерине Сайковой, Римме Бердниковой?

– Ничего я не могу о них сказать, – насупился Макар.

– То есть?!

– Девчонки как девчонки, составляют нам постоянную

компанию, но никаких обязательств, чисто дружеские контакты.

– То есть вы с ними не спите? – напрямую спросила Мирослава.

– Почему не спим, – растерялся Макар, – спим, но это опять же чисто дружеский секс.

– И кто из вас с кем практикует этот дружеский секс?

– В смысле?

– Ну, например, вы с Риммой, Леня с Катей...

– Так раз же на раз не приходится, – перебил ее Макар.

– То есть постоянных пар у вас нет?

– Нет, конечно, что за блажь, – поморщился он.

– Значит, эти девчонки тоже шалавы?

– Ну...

Мирослава хмыкнула:

– А вы с дружками, выходит, шалаши.

– Какие еще шалаши? – недовольно проворчал Макар.

Мирослава проигнорировала его ворчание и спросила:

– Насколько я знаю, все ваши дружки лодыря гоняют, почему же вы учитесь?

– Предположим, не все. Филипп вон работает на батькиной фабрике. А мне отец сказал, что, если я учиться не буду, он меня наследства лишит, – уныло проговорил Макар, – вот и мучаюсь уже четвертый год.

– Скоро отмучаетесь, – иронично приободрила его Мирослава.

Но он не заметил ее иронии и ответил еще более тоскливо:

– Так после института отец меня работать пошлет.

– Да, тяжкая у вас участь, – пряча улыбку, проговорила

Мирослава.

– И не говорите, – согласился он уныло. И тут же воскликнул:

– О! Приехали! Спасибо, быстрее ветра домчали. –

Он схватил ее руку и потряс. Вылез из машины и, уже сделав

несколько шагов, остановился у окна: – Забыл спросить.

Сколько я вам должен?

– Вы уже расплатились своими ответами на мои вопросы.

– Так я же ничего толком не сказал...

Она пожала плечами и нажала на газ. Сизиков и впрямь

ничего ей не сказал нового. Таинственная незнакомка в сером

плаще маячила перед ее глазами. Девушка могла видеть

убийцу или хотя бы догадываться, кто это мог быть. Если,

конечно, и ее саму не убили. Однако полиция утверждала,

что никаких неопознанных трупов в городе за тот период не

было. Хотя убийец мог закопать ее в лесу...

Мог или не мог? Шиловского он закапывать не стал. На-

оборот, убийство как бы сделано напоказ.

Что это? Внезапная вспышка гнева? Или все-таки продуманная

месть? Но кто мог мстить плейбою Шиловскому?

Кому он перешел дорогу? Или в этом узле завязан и Ши-

ловский-старший? Хотя, насколько Мирослава знала, поли-

ция тщательно отработала версию по конкурентам и недругам

Эдуарда Бенедиктовича.

«Пожалуй, стоит съездить к Митяеву, – подумала Мирослава, – может, он еще не отбыл на свое рабочее место».

Ей повезло, Митяев был болен. Точнее, мнимо болен. Он решил сегодня на работу не ходить и как следует отоспаться. Если позвонит разгневанный отец, то мать его прикроет.

Родители Филиппа Митяева развелись несколько лет назад, но Филипп оставался единственным наследником Митяева-старшего, и тот все еще продолжал возлагать надежды на непутевого сына. Он пристроил его на работу, на свою фабрику, надеясь, что сыночек втянется и освоит процесс работы предприятия с самого низу.

Но Филиппа абсолютно не интересовало производство спичек. Если быть точнее, то его не интересовало ничего, кроме денег, текущих нескудеющим ручейком от отца. Деньги он спускал на дорогие клубы, машины, выпивку и девиц. На все остальное ему, как он сам выражался, было «наплевать с высокой колокольни».

Присутствие матери в доме тоже утомляло его. И он был безумно рад, когда она уезжала на очередное богомолье, к какому-нибудь старцу или просто пропадала на богослужениях в церкви.

Но обойтись совсем без нее он не мог. Ведь она следила за его бытом. Без ее присмотра он ходил бы голодный, неухоженный и за короткое время превратил бы квартиру в свинарник. А так в доме всегда было чисто, уютно, пахло выглаженным бельем и хорошей едой. Вот отец время от времени

беспокоил Филиппа. Митяев-старший не пил и имел голову на плечах. Но ее срывало время от времени на конкурсах очередной мисс. Отец влюблялся, одевал, обувал девушку, покупал ей машину, возил ее на курорты и исполнял все ее прихоти.

«Хорошо, что хоть не женился», – думал Филипп.

Потом отец остывал к своей пассии, покупал ей на прощание квартиру, давал деньги на год прожития. И вел размеренный образ жизни до встречи с очередной «миской».

Филиппу снился какой-то фантастический сон, он застоялся и перевернулся на другой бок, когда приоткрылась дверь и раздался голос матери:

– Сынок, вставай.

– Какого черта? – спросил Филипп.

– Уже одиннадцать часов.

– Ну и что?! Я сплю! Не мешай!

– К тебе там пришли.

Филипп мгновенно подскочил в холодном поту и, вытаращив глаза, спросил:

– Отец?

В его голове путано бились мысли: «Неужели пришел лишать наследства? Сон в руку? Нет, нет, тьфу, тьфу», – мысленно сплюнул он.

– Нет, не отец, – донесся до него голос матери. – Девушка...

– Девушка? – изумился Филипп и воскликнул: – Гони ее

в шею!

– Не могу.

– Это еще почему?!

– Она из полиции.

– Вот черт! Никакого покоя нет от легавых!

– Сынок, ты бы оделся, – робко сказала мать.

– Ты не спросила, чего ей от меня надо?

– Она сказала, что хочет с тобой поговорить.

– О чем?

– Как я поняла, о Косте.

– Вот стервятники, – пробормотал он, – костям спокойно сгнить не дают.

– Филя! – Голос матери стал укоризненным.

– Ладно, позови ее в гостиную. И приготовь чего-нибудь пожрать. Раз уж встал, заодно и позавтракаю.

– Хорошо. Только ты не задерживайся.

– Учи ученого. Ну чего встала? Иди!

Дверь за матерью тихо закрылась. Но Филиппу показалось, что в комнате остались звучать ее вздохи.

«Вечно она так, – подумал он зло, – не смогла удержать отца. Всю жизнь так и просидит, как мышь под веником. Еще и с попами связалась».

– А, ладно, пусть! – проговорил он вслух и махнул рукой. – Меньше будет сидеть дома и мелькать перед глазами.

Когда он вошел в гостиную, Мирослава уже сидела на диване и не поднялась ему навстречу. Филипп не стал здоро-

ваться, демонстративно отодвинул стул, сел за стол и стал есть круассан, намазанный маслом, запивая его крепким сладким кофе со сливками. Ее присоединиться к своему завтраку он не пригласил. А она сидела и наблюдала за тем, как он ест. И ее взгляд ох как не нравился Митяеву.

Он не выдержал первым:

– Чего вам от меня надо?

– Хочу, чтобы вы рассказали мне о последнем дне, вернее, вечере Константина Шиловского.

– Я уже сто раз рассказывал об этом полиции! – зло выпалил Филипп.

– Расскажите сто первый, – спокойно попросила она.

– Черт! – Он отшвырнул от себя чашку с недопитым кофе.

– Было ли в том вечере что-то, что показалось вам подзрительным?

– Ничего не было! Все как обычно!

– Тогда с самого начала.

И он начал монотонно, время от времени сверкая на нее глазами, рассказывать, как они пришли, пили, танцевали, скабрезничали. Время от времени он сгущал краски, чтобы досадить ей, уколоть, вывести из себя. Но она оставалась спокойной, слушала, не перебивая, изредка задавала наводящие вопросы.

«У нее что, железные нервы? – подумал он – Их, наверное, специально тренируют. Гадкие менты».

Точно угадав его мысли, Мирослава спросила:

– Вы что же, совсем не заинтересованы в том, чтобы нашли убийцу вашего друга?

– Да плевать мне на это! – сорвался он. – Я заинтересован только в одном, чтобы вы отсюда поскорее убрались.

– Придется потерпеть, – усмехнулась она, глядя ему прямо в глаза.

И он не выдержал ее взгляда, опустил голову. На какой-то миг ему показалось, что он смотрел не в глаза слабой женщины, коей он считал ее до этого времени, а в глаза тигра, беспощадного и непримиримого. Мирослава и впрямь никогда не чувствовала себя ни слабой, ни беззащитной, в поисках истины она была непримиримой, а к тем, кто нарушил закон и тем более посягнул на жизнь другого человека, беспощадной.

– Вместо того чтобы плевать ядом, – сказала она, – лучше расскажите мне о девушке, которую вы пытались отбить у Константина.

– Я пытался отбить у Кости девушку? – вытаращил он глаза и заверил ее: – Да ни в жизнь!

– Ну как же, в тот вечер в клубе Константин танцевал с девушкой, к которой потом вы стали подбивать клинья.

– Ах, это, – он расхохотался, – тоже мне нашли девушку.

– И все же.

– Короче, Костя подцепил блондинку, или, скорее всего, она к нему сама прицепилась, они с ней танцевали, потом, – он усмехнулся, – скажу так, чтобы не оскорблять слуха чув-

ствительного дамского пола, Костя отволоч ее в интимный уголок, хорошо ей попользовался, и они вернулись в зал.

– А дальше?

– Что дальше? Дальше она ему уже была без надобности. А я решил сходить по уже проторенной дорожке. Но телка заупрямилась. Нет, и все! Придушил бы голыми руками!

– Что же вас остановило?

– Сидеть не хотелось из-за этой мрази, – проговорил он брезгливо.

– А вы хорошо запомнили девушку?

– Да уж, запомнил.

– Опишите ее.

– Чего ее описывать? Лучше я вам ее адресок дам.

– У вас есть адрес этой девушки?

– А то, – произнес он самодовольно.

– Откуда?

– Выменял у одной из ее подружек за энное количество дензнаков.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Думал, может пригодиться. – И признался: – Обидно получать от ворот поворот.

– Хорошо, давайте адрес.

Он взял салфетку и нацарапал на ней название улицы, дома и квартиры.

– Это точный адрес? – спросила Мирослава.

– Точнее не бывает! – заверил он.

– Но я хочу получить именно ту записку, на которой вам написала адрес ее подруга.

– Она сказала мне его устно, и я запомнил, – нагло соврал он.

– Хорошо. – Она достала сотовый.

– Эй, погодите, куда это вы звонить собираетесь?

– Хочу вызвать сотрудников для обыска вашей квартиры.

– Так вам их и дали, – усмехнулся он, – это не так скоро делается.

– Вы ошибаетесь. Дело Шиловского у следователя. И он, узнав о запирательствах главного свидетеля, тут же организует обыск. Я обещаю вам, что мы тут, – она обвела взглядом гостиную, – все вверх дном перевернем.

– Ладно, – проговорил он сквозь зубы, – записка у меня в кармане брюк, сейчас принесу.

Митяев приподнялся с места, но Мирослава осаждала его.

– Не двигайтесь! Пусть записку принесет ваша мать.

– Мать так мать, – ухмыльнулся он и позвонил в колокольчик, лежавший на столе.

Тихая женщина появилась перед сыном точно какая-то горничная.

– Звал, сыночек? – спросила она, не сводя глаз с его лица.

– Звал, звал! Не глухая ведь. Принеси записку из моих брюк и отдай вон ей. – Он кивнул на Мирославу.

Митяева безмолвно и бесшумно, точно призрак, вы-

скользнула из гостиной и, выполнив приказание сына, появившись минут через пять, протянула записку Мирославе. Та развернула ее и прочитала, потом кивнула женщине и ласково улыбнулась:

– Спасибо, это то, что мне нужно.

Митяева так же незаметно ушла.

Филипп усмехнулся:

– Так я же себе еще хоть сто штук нарисую.

– А я вам лично отобью руки, – проговорила она угрожающе, – и попрошу полицию повыдергивать вам к чертовой матери ноги, если вы хоть на сто метров приблизитесь к дому этой девушки.

– Ой, какие мы строгие, – прогнусавил он.

– Я не шучу, – сквозь зубы проговорила она.

И встретившись с ее тигриным взглядом, он понял, что она и впрямь не шутит.

– Ладно, ладно, – проговорил он примирительно, – сдаюсь мне эта деваха.

– Вот и хорошо, – оценила она его понимание, – а теперь расскажите мне, когда и с кем Шиловский ушел из клуба.

– Не знаю, когда он ушел, – огрызнулся Митяев, – я не следил за ним.

– А что вы делали?

– Развлекался! После того как эта кошелка мне отказала, я нашел нормальную девчонку.

– То есть более покладистую?

– Можно сказать и так. Короче, мы ушли с ней из зала, а когда вернулись, нашли только клюющего за столиком носом Сапрыкина.

– Куда же делись все остальные?

– Макар уехал домой. Этот придурок в институте учится. – Филипп рассмеялся.

– Но вы ведь тоже учились?

– Учился, – уныло согласился Митяев.

– Шиловского, насколько я понимаю, уже не было?

– Правильно понимаете.

– А где были девушки, с которыми вы пришли в клуб?

– О! Они своего не упустят! Все уже по укромным уголкам рассеялись и тискались со вновь обретенными кавалерами.

– Но они ведь не проститутки? – спросила Мирослава.

– Нет, конечно! – удивился Митяев. – С чего вы взяли?

Мирослава пожала плечами.

– Нормальные девчонки, просто любят повеселиться.

– Ну, что ж, настало время нам с вами расстаться, – сказала Мирослава.

Благодарить за помощь Митяева она не стала, только обернулась на пороге и сказала:

– Только не вздумайте забыть то, что я вам сказала.

– Не забуду, не беспокойтесь, – отмахнулся он, – мне лишние неприятности не нужны.

Мать Митяева точно тень появилась невесть откуда, едва Мирослава вышла из гостиной.

– Я провожу вас, – тихо сказала она. И уже у самой двери, когда Мирослава взялась за ручку, прошептала: – Вы не сердитесь на Филю, он не злой, только избалованный очень. – И, не удержавшись, всхлипнула.

Мирославе хотелось сказать, что по ее Филе каторга плачет, но удержалась и сказала просто:

– До свиданья.

Домой Волгина вернулась после обеда. Солнце стояло в зените, на небе не было ни одной тучки, цветы на клумбах дышали зноем и ожидали вечернего полива.

Вечером Морис и Мирослава поехали в ночной клуб, завсегдатаями которого были Шиловский и его дружки. Несмотря на то что за вечер их компания могла сменить несколько клубов, надолго они зависали именно в этом. И именно из него в тот вечер уехал Константин Шиловский в свой последний путь.

В клубе было довольно сумрачно, пятна света бродили по залу, выхватывая на миг чью-то фигуру или лицо. Громко играла музыка, пахло едой, напитками, потом, парфюмерией и еще какими-то ароматизаторами.

Люди не только сидели за столиками, но и ходили по залу, прыгали на танцполе или топтались в обнимку, впрочем, обнимающиеся парочки можно было заметить повсюду.

– Ну и бордель, – тихо процедил Морис сквозь зубы.

– Дорогой, ты ничего не понимаешь в колбасных обрезках, – усмехнулась Мирослава.

– В смысле? – опешил Миндаугас.

– Это заведение, к твоему сведению, считается элитным клубом, – ответила ему Мирослава.

– А... – протянул он насмешливо. – И что мы тут будем делать?

– Потолкаемся, понаблюдаем за публикой, поговорим с барменом, официантом и со швейцаром на входе.

– Как вы думаете, дружки Шиловского сегодня здесь?

– Да кто ж их знает, – пожалала плечами Мирослава, – в этом разноцветном сумраке нелегко разглядеть знакомые лица.

Они выбрали столик за колонной и заказали еду и напитки. Из всего принесенного Мирославе понравился только салат из крабов. Остальное она сочла гадостью и не стала есть. Морис лениво жевал кружочки ананаса. Пить он ничего не стал, так как был за рулем. А Мирослава не пила из солидарности.

Через полчаса они вышли на танцпол и пробыли там некоторое время, дергаясь под непонятную абсурдную музыку. Найти в зале Сапрыкина, Сизикова или Митяева Мирославе не удалось. Впрочем, она и не очень старалась. Подойдя к барной стойке, она развернула удостоверение.

– У нас нарушений нет, – сразу занервничал бармен.

– Я и не говорю, что они есть, – отозвалась Мирослава.

– Тогда в чем дело?

– Вы, наверное, слышали о гибели Константина Шиловского?

– Кто же об этом не слышал. Но при чем здесь наш клуб?

– Скорее всего, ни при чем, – успокоила его Мирослава. – Просто меня интересует, не заметили ли вы, с кем именно в тот вечер Шиловский покинул ваше заведение?

– Не заметил. Честное слово, не заметил! – Бармен сложил руки на груди. – Посудите сами, кручусь тут весь вечер как белка в колесе.

– Сочувствую.

Он посмотрел ей в лицо, но не заметил и тени иронии.

– Может, Владик заметил, – проговорил он устало.

– Владик это кто?

– Официант. Сейчас я его позову.

Сначала бармен помахал несколько раз рукой, потом проговорил сокрушенно:

– Не слышит, тут такой гвалт. Айн момент! – Он достал сотовый и быстро набрал номер. – Влад! Подойди на минутку к барной стойке. – И, уже обращаясь к детективам: – Сейчас подойдет.

И правда, официант довольно скоро выплыл из перемежающихся цветowych пятен.

– Сань, ты чего? – обратился он к бармену.

– Тут вот люди хотят с тобой поговорить.

Официант был совсем молодым, довольно шуплым парнем.

«И как он справляется с такой нагрузкой?» – подумала Мирослава, а вслух спросила:

– Вы знали Константина Шиловского?

– Знал, – со вздохом ответил он.

– Вы не помните девушек, с которыми он в тот вечер проводил время?

– Вы имеете в виду Римму, Катю и Тамару?

– Нет, тех, с кем он познакомился в тот вечер здесь.

Парень задумчиво почесал подбородок:

– Сначала я видел его с рыжей, потом с блондинкой, потом с брюнеткой, потом опять с блондинкой. Но я ведь специально не наблюдал за ним, работы много, – проговорил он, как бы оправдываясь, – носишься по залу весь вечер, как челнок, домой приползешь и хоть отстегивай ноги, так ноют.

– Понимаю. Но последний раз вы видели его именно с блондинкой?

Он подумал и ответил:

– Точно, с блондинкой, а потом я его уже не видел.

– Но к их столику вы еще подходили?

– Подходил. Там сидели два его друга, один в обнимку с девушкой.

– А вы не помните лица блондинки, с которой был Шиловский?

– Извините, но при таком свете...

– Понимаю. Но еще один вопрос. Как вы думаете, девушка была настоящей блондинкой или крашеной?

– Ой, – сказал официант, – я в этих вопросах не очень. Но уверен, что первая блондинка точно была крашеной.

– А в том, что вторая была крашеной, не уверены?

– Нет, не уверен, – покачал он головой и через мгновение спросил: – Я могу идти?

– Да, конечно, спасибо вам большое.

– Да вроде не за что, – пожал он плечами и исчез в полумраке зала.

Мирослава дотронулась до плеча Мориса.

– Идем, нам здесь делать больше нечего.

Они направились к выходу. Возле швейцара Мирослава остановилась и протянула ему удостоверение. Он кинул его носом и спросил:

– И что?

– Ничего. Вы дежурили в тот вечер, когда убили Константина Шиловского?

– Дежурил. Но его не тут убили.

– Знаю. Вы не помните, с кем он выходил из клуба?

– Помню. С девушкой в тонком сером плаще.

– Вы запомнили ее лицо?

– Увы, нет. Мало того что на ней были темные очки, так она еще и отвернулась.

– Темные очки? – переспросила Мирослава. – Так ведь дождь шел.

– И я о том же. Странная девица! Но тогда я подумал, что, может, видит она плохо. Знаете, такие очки бывают, они там, где светло, темнеют, а в полумраке светлеют.

– Да, знаю, хамелеоны.

– Вот-вот, они самые, – закивал швейцар.

– Так на ней были хамелеоны?

– Точно сказать не могу, – виновато признался швейцар.

– А какие у нее были волосы?

– Светлые.

– Вы уверены?

– Я не слепой.

– То есть она была крашеной блондинкой?

– Нет, она была натуральной блондинкой.

– Почему вы так думаете?

– Потому, что у меня жена всю жизнь была натуральной блондинкой, пока сесть не начала. А теперь дочь блондинка натуральная.

– Спасибо вам. Вы очень нам помогли.

Швейцар поклонился, и Морис быстро сунул ему в руки купюру.

– Что это нам дает? – спросил он, когда они сели в машину.

– Пока ничего, – отозвалась Мирослава.

– Мы будем искать эту девушку?

– Ищи ветра в поле...

– Вы прямо как Шура, – упрекнул он.

– Конечно, найти эту девушку было бы неплохо. Но она может быть случайной знакомой Шиловского для, как выражаются его друзья, одноразового пересыпа.

– Куда же она делась после смерти Шиловского?

– Она могла деться и до нее.

Морис бросил на нее вопросительный взгляд, и она ответила:

– Они могли провести в каком-то месте час или полтора, а потом он ее отвез домой или, что больше похоже на Шиловского, высадил возле метро или автобусной остановки.

– Он мог быть такой свиньей?

– Ты меня извини, конечно, но, несмотря на то что о мертвых плохо говорить не в традициях русского народа, однако, судя по всему, при жизни Константин Шиловский был стоцентным свином.

– Значит, найти девушку будет трудно, – констатировал Морис.

– Нелегко, – подтвердила Мирослава.

Вечером, сидя на крыльце, она думала о том, что следует посетить и случайную знакомую Константина Шиловского, адрес которой ей удалось выбить из Филиппа Митяева.

Итак, она звалась Варварой Пушкарской. И вполне могла после расставания с Шиловским наблюдать за ним и заметить счастливую соперницу. «Или все-таки несчастную?» – подумала Мирослава и запустила пальцы в густую шерсть Дона, примостившегося рядом с хозяйкой.

– Если бы ты знал, как я люблю тебя! – произнесла она вслух.

И тотчас рядом раздался голос Мориса:

– Надо же, а я и не догадывался об этом.

Мирослава рассмеялась. Морис стоял в дверях с тарелкой вымытой тепличной клубники. Он шагнул на крыльцо и уселся рядом. Дон повернулся к нему и одарил снисходительным взглядом прищуренных янтарных глаз.

– Знаю, знаю, что ты мой счастливый соперник, – отозвался Морис и ласково почесал кота за ухом, тот тихо замурлыкал.

– О чем задумались? – спросил Морис, ставя тарелку с клубникой на колени Мирославы.

– Планирую, что сделать завтра.

– И?

– Поеду-ка я к Варваре Пушкарской, посмотрю на нее, может, узнаю что-то полезное.

– А Пегова, Сайкова и Бердникова?

– И до них очередь дойдет.

Глава 4

Проснувшись утром, Мирослава подумала о том, что скоро зацветет липа и утопит в медовом аромате все окрестности. «Как хорошо!» – Она сладко потянулась, потом соскочила с постели, приняла душ и спустилась вниз.

Морис решил подать на завтрак овсяную кашу с курагой и изюмом.

– «Овсянка, сэ́р»? – произнесла она полуутвердительно, полувопросительным тоном.

Морис улыбнулся и расположился за столом напротив нее. Мирослава знала, что Морис считает овсянку одним из самых полезных продуктов, но сама она не испытывала к ней особой любви.

– Можно подумать, что я англичанка, – пробормотала она, зачерпывая первую ложку.

– Ну, во-первых, не англичанка, а шотландка, – поправил он.

– Еще лучше!

– А чем вам не нравятся шотландцы? Я часто вижу у вас на столе томик Роберта Бёрнса.

– Поэзия и кухня – это разные вещи.

– Не скажите, – не согласился Морис. – И, между прочим, по словам Плиния Старшего, еще древние германцы готовили кашу из овса.

– Германцев вспомнил, – пробормотала она.

– А древние славяне считали, что овес исцеляет от всех болезней, а овсяный кисель на Руси был священным блюдом.

– Ладно, поняла, а что там во-вторых? – спросила Мирослава.

– Да то же, что и во-первых, – пожал он плечами. – Просто люди почему-то ошибочно считают, что овсянку по утрам едят англичане. А это совершенно не так. Овсянка – национальное блюдо шотландцев.

– Хоть англичанам повезло, – сделала вывод из сказанного Мирослава.

Морис улыбнулся:

– А, кстати, совсем недавно Шура с пеной у рта защищал Марию Стюарт и клеймил позором Елизавету Вторую.

– Вот и кормил бы Шуру овсянкой!

– Я пробовал, – улыбнулся Морис, – но он есть ее категорически отказался, заявив, что он не конь.

– А я, значит, лошадь, – хмыкнула Мирослава.

– Нет, вы Тигра. И, того и гляди, выпустите когти.

– Ладно уж, доела я твою овсянку. Ликуй и бей в литавры.

– Ешьте бутерброды с сыром и пейте чай.

– Еще проинформируй, что в сыре содержится кальций и он необходим для моего молодого организма.

– Чего говорить, – улыбнулся Морис, – вы и сами все знаете.

Через полчаса она уже мчалась по шоссе, вдыхая свежий

воздух, еще не прокаленный солнцем.

Варвара Пушкарская жила в панельном доме одного из спальных районов. Мирослава про себя недоумевала, как девушка из такого скромного района могла попасть в столь дорогой ночной клуб. Ну что ж, скоро она это выяснит. К ее удивлению, на старой пятиэтажке стоял домофон. Волгина набрала номер квартиры со второго этажа.

– Кто? – спросил ее голос, принадлежащий, скорее всего, подростку.

– Почта.

Дверь открылась. Волгина поднялась на третий этаж и нажала на кнопку звонка квартиры Пушкарских. Через минуту она уже увидела в проеме двери девушку лет двадцати восьми в чистом, много раз стиранном халате и стоптанных домашних тапках. Она втыкала шпильки в ракушку из волос на затылке.

– Вам кого? – спросила девушка.

– Я хотела бы поговорить с Варварой Пушкарской.

– А вы, собственно, кто?

– Я детектив Мирослава Волгина, вот мое удостоверение.

– Странно, – проговорила девушка.

– Что странно?

– Какое дело может быть у детектива к моей Варьке.

– Мне просто нужно с ней поговорить.

– Проходите. Она в своей комнате.

– А вы родственница Варвары?

– Я ее родная сестра Лидия Пушкарская.

– Очень приятно.

Они дошли по коридору до закрытой двери. Лидия постучала в дверь.

– Варя, тут к тебе пришли.

– Кто?

– Детектив.

– Кто?!

Дверь открылась, и Мирослава увидела худенькую девушку болезненного вида.

«Неужели это та самая Варвара, что развлекалась в клубе с Шиловским? – подумала она недоуменно. И вдогонку, уже мстительно: – Ну, всё! Если Митяев меня обманул, подсунув не тот адрес, я оторву ему голову».

И, обратившись к девушке, проговорила:

– Я детектив Мирослава Волгина. У меня к вам конфиденциальный разговор.

– Я оставлю вас ненадолго, – прозвучал за спиной Мирославы голос Лидии.

А Варвара, с удивлением глядя на детектива, пригласила:

– Проходите, пожалуйста.

Мирослава прошла в скромно обставленную, узкую комнату. Единственной ценной вещью в ней был ноутбук. Волгина поискала глазами, куда бы присесть, и опустилась на краешек стула, заваленного журналами и газетами.

– Ой, простите, – воскликнула Варвара и переложила всю

груду на постель. – Вы сказали, что вы детектив, – обернулась она к Мирославе.

Волгина кивнула.

– Но я не понимаю, что может хотеть от меня полиция, – растерянно проговорила девушка.

– Я не полиция, – поправила Волгина, – я частный детектив.

– Тем более...

– Я хочу поговорить с вами о том вечере в ночном клубе.

– Нет! – закричала девушка и резко вскочила с кровати, на которую только что присела.

– Что нет? – удивилась Мирослава.

– Я не хочу об этом говорить!

– Почему?

– А вы не понимаете?!

– Нет...

– А... Вы обманули меня!

– В чем? – озадаченно спросила Мирослава.

– Вы выдаете себя за другую! Я все поняла! Вы проверяете меня!

– Варя! Успокойтесь! И объясните мне, о чем вы говорите?

– Да лечусь я! Лечусь!

– От чего?

– Как от чего?! От гонореи.

«Оп-па», – подумала про себя Мирослава. А вслух сказа-

ла:

– У вас нет причины не доверять моим словам. Вот моя лицензия. Я действительно частный детектив и расследую дело об убийстве Шиловского. Вы ведь знаете, что он погиб.

– Знаю! И как я рада! Гад! Гад! Я бы сама его сто раз переехала.

– Но в этом уже нет надобности, – тихо проговорила Мирослава и взяла девушку за руку. Рука была ледяной. А глаза пылали такой ненавистью, что даже Мирослава предпочла в них не смотреть.

– Варя, пожалуйста, сядьте, – попросила она, – успокойтесь. Мне правда очень нужно с вами поговорить.

– Я не стану помогать вам искать убийцу Шиловского, – проговорила девушка решительно.

– И не надо, – согласилась Мирослава, – просто расскажите мне, что произошло тогда в клубе. Вы ведь до сих пор все держите в себе. Расскажите, и вам станет легче. Я обещаю, что ни ваша сестра, ни ваши друзья об этом не узнают.

– И он тоже!

– Кто он?

– Вася.

– И Вася тоже не узнает, – пообещала Мирослава.

– Хорошо, я расскажу вам! – решила Варвара. – Слушайте!

Из сбивчивого рассказа девушки Мирослава узнала, что Варвара несколько лет копила деньги на свое восемнадцатипяти-

летие. А когда оно наступило, девушка не могла придумать, как и где его отметить, и тут две ее однокурсницы из обеспеченных семей предложили сходить в клуб. Они заверили ее, что клуб потрясающий, не клуб, а сказка, и что она, посетив его, запомнит это событие на всю оставшуюся жизнь. В том, что Варвара не забудет этого вечера в клубе до конца своих дней, они оказались правы. А во всем остальном...

Яркие краски, шум, гомон ее напугали сразу, едва она оказалась в зале. И она бы непременно сбежала, если бы подружки чуть ли не насильно не втащили ее вовнутрь. Они втроем расположились за столиком, сделали заказ. Вернее, заказ за Варю сделали ее сокурсницы. Они же уговорили ее попробовать фирменный коктейль клуба, от которого у нее сразу закружилась голова и стало горячо в груди. А потом ей стало весело. Так весело, как никогда в жизни. Она ела, пила, веселилась, ее уже не пугал шум и огромное количество народу.

А потом к их столику подошел он...

И представился, чуть ли не официально: «Константин Шиловский собственной персоной».

Подружки захихикали: как выяснилось потом, они неплохо знали Константина. Но Шиловский тогда смотрел только на Варвару, и она почувствовала, как покрывается румянцем до самых корней волос.

«Хорошо еще, что при таком освещении этого не видно», – подумала она тогда с облегчением. Он пригласил ее

танцевать, и она пошла.

Одна из подруг успела шепнуть ей на ухо:

– Берегись, он плейбой, меняет девчонок как перчатки.

Но она, замороженная его статью и ласковым выражением лица, пропустила предостережение мимо ушей. И самое ужасное, что она забыла о своем Васе! Милом, скромном Васе, который сдувал с нее пылинки и был готов за нее и в огонь, и в воду. Забыв обо всем, Варвара все больше и больше пьянела от обволакивающих взглядов Константина, от прикосновения его горячих дерзких рук. Потом он повел ее к своему столику и познакомил с друзьями, которые, по правде говоря, даже не обратили на нее внимания.

– А девушки за столиком были? – спросила Мирослава.

– Нет, девушек не было. Но мы там были недолго. Константин дал мне выпить какого-то вина, и я, дура, не отказалась.

Варвара опустила голову, а потом, собравшись с силами, продолжила:

– Мы снова танцевали, целовались, а потом Константин взял меня за руку и куда-то повел. Я слепо следовала за ним. Только сильно удивилась, когда мы оказались в туалете. Он стал тискать меня, я пробовала отбиваться, спрашивала, что мы здесь делаем, он ответил, что сейчас я все узнаю, и стал стаскивать с меня трусы. Тут я уже испугалась по-настоящему и стала сопротивляться, но сил у меня почти не было. Он посадил меня на окно, встал между моих ног, и тут я почув-

ствовала невыносимую боль и закричала. Он зажал мне рот и мучил меня еще некоторое время. Кажется, я потеряла сознание, потому что очнулась оттого, что он бил меня по щекам. Я стала плакать, а он сказал: «Дура! Надо было предупредить!»

Варвара заплакала.

– Тихо, тихо, – сказала Мирослава. – Константина больше нет.

Как ни странно, это успокоила девушку.

– Я не поняла, о чем я должна была его предупредить. Увидев полосы крови на бедрах, я вымыла их водой из-под крана, вытерлась разорванными трусами и выбросила их. Вернувшись за столик, я посмотрела на Константина, но поняла, что больше не интересую его. Мне было так плохо, что я собралась домой и одна из подруг вызвала такси. Я не помню, как я доехала до дома. Слава богу, что сестра ночевала у нашей бабушки, а родители у нас живут в другом городе. Так случилось, – пояснила Варвара.

И Мирослава не стала вдаваться в подробности. Она только спросила:

– Вы не хотели обратиться в полицию? Ведь он вас изнасиловал.

– Что вы! – Варя испуганно прижала руку ко рту. – Я бы не пережила такого позора. Я и так слегла на неделю. А потом поняла, что со мной что-то не то и, дрожа от ужаса, пошла на прием к венерологу. У меня обнаружили гонорею и

стали лечить. Все это время мне хотелось умереть от стыда и унижения! И только один раз я испытала чувство облегчения и радость: когда узнала, что Шиловского убили. – Глаза Варвары лихорадочно заблестели.

– А что с Васей? – тихо спросила Мирослава.

– С Васей? – переспросила девушка. А потом, сжав губы, посмотрела куда-то мимо детектива и наконец ответила: – Я прогнала его!

– За что?

– За что? Неужели вы не понимаете?!

– Не совсем...

– Как я могу смотреть ему в глаза?! Я преступница!

– Ну какая же вы преступница? – тихо спросила Мирослава.

– Я падшая женщина!

– Бросьте! Не вы первая, не вы, к сожалению, последняя.

Нужно взять себя в руки и продолжать жить.

– Но что я скажу Васе?

– Ничего, – ответила Мирослава.

– Как же так? – растерянно спросила Варя.

– Очень просто.

Варвара потупилась.

– Вы его любите? – спросила Мирослава.

– Очень!

– Тогда молчите.

– Но... Но это же, выходит, обман.

– Обман? Разве он спрашивал вас о чем-то?

– Нет...

– Так вот, для того, чтобы покаяться, существует батюшка.

– Чей батюшка? – удивилась Варвара.

– Православный. В церкви.

– А...

– К тому же вы все рассказали мне, облегчили душу. Ведь вам стало легче?

– Да, – ответила девушка и посмотрела на детектива с удивлением.

– Так что не следует примерять на себя роль раскаявшейся грешницы и поить своего любимого мучительной для любого мужчины отравой – своим признанием.

– Вы так думаете? – с сомнением проговорила Варя.

– Я в этом уверена!

– Но...

– Никаких «но»! Шиловский мертв! И вы свободны от всего, что случилось между вами. Вы меня поняли? – Тон Мирославы был настолько требовательным, что Варвара просто согласно кивнула.

– У вас есть лист бумаги? – спросила Волгина.

– А зачем?

– За надом! Так есть или нет?

– Есть. – Варвара полезла в стол и вытащила белый листок.

– Фломастер темно-синего или черного цвета есть?

– Есть, вот...

– Берите его в руки и рисуйте!

– Что рисовать? – удивилась девушка.

– Свои ощущения произошедшего. Изобразите тот узел, или камень, что у вас на сердце.

– Поняла. – Варвара взяла фломастер и начала что-то чертить на листке. Что это, понять невозможно, да и не надо.

Когда рисунок был закончен, Мирослава спросила:

– У вас есть в этой комнате спички?

– Да, я зажигала свечи, вон они на полочке.

Мирослава смяла лист и положила его на металлическую тарелочку с выбитым на ней памятником Петру I на коне, стряхнув с нее предварительно высохшие лепестки каких-то цветов.

– Поджигайте! – велела она.

Варвара чиркнула спичкой, и минуту или две они стояли и смотрели, как горит бумажный ком. А потом остался пепел...

– И что? – спросила Варя.

– Откройте окно и сдуйте его на улицу. Пусть ветер унесет вашу боль на все четыре стороны.

Девушка выполнила приказания детектива, с удивлением осознав, что не сомневается в действенности этого метода.

Провожая Мирославу, она тихо шепнула:

– Спасибо.

– Не за что.

– А Лиде тоже не говорить?

– Никому.

– Васе я позвоню, когда закончу курс лечения.

– Конечно.

– И попрошу у него прощения.

Мирослава кинула на нее вопросительный взгляд, и Варвара поспешила заверить ее:

– Я ничего ему не скажу. Извинюсь за то, что я такая капризная.

Детектив одобрительно кивнула и стала спускаться по лестнице. На половине пути она оглянулась и проговорила:

– Да, попрощайтесь за меня с Лидией.

– Она, наверное, за хлебом выбежала.

Выйдя на улицу, Мирослава перевела дух. Разговор был трудным, но ничего не дал для продвижения дела. Было ясным как дважды два, что за поруганную честь Варвары Пушкарской ее любимый человек отомстить Шиловскому не мог по той простой причине, что девушка никому не рассказывала о своей беде. А в том, что Варвара держала язык за зубами, Мирослава не сомневалась.

Теперь нужно встретиться с постоянными подругами Константина и его дружков. Больше всего ей сейчас хотелось отправиться домой, выпить зеленого чая с жасмином, посидеть в обнимку с Доном на крыльце или полежать с книгой под яблоней. Но, увы, мы не всегда вольны делать то, что нам

хочется. Итак, придется ехать к девицам.

Ближе всего жила Тамара Пегова. До улицы Оленина Мирослава при отсутствии пробок могла бы доехать за полчаса. Что она и сделала. Новый двенадцатиэтажный дом был отстроен совсем недавно и не полностью заселен. Поэтому, на счастье детектива, еще никакого консьержа не наблюдалось. Она подошла к лифту и нажала на кнопку девятого этажа. Лифт взмыл вверх мгновенно.

Новые металлические двери были отделаны под ореховое дерево. Пегова жила за той, что располагалась прямо напротив лифта. Трель звонка при первом же прикосновении рассыпалась звонами колокольчика.

«Цок-цок» – раздалось через некоторое время за дверью.

– Это ты, Катька? – спросил молодой голос.

– Нет, это я, Мирослава.

– Мирослава? – переспросили за дверью озадаченно, но открыли.

Мирослава увидела перед собой девушку с малиновыми волосами, пирсингом в пупке, одетую в какие-то лохмотья канареечного цвета.

На ногах у нее были белые узконосые туфли на высоченном каблуке. Девушка, в свою очередь, тоже с интересом рассматривала Мирославу.

– Значит, ты не Катька, – наконец констатировала она.

– Значит, – согласилась Мирослава.

– И че теперь? – спросила хозяйка квартиры.

– Мне бы поговорить с Тамарой Пеговой.

– Так говорим уже.

– Так и будем разговаривать на площадке? – улыбнулась

Мирослава.

Девушка наморщила лоб, потом сказала:

– Ладно, заходи. Только учти, я скоро ухожу.

– Учту.

Когда они зашли в гостиную, заваленную всяким шмотьем, Тамара сказала:

– Садись на тахту и говори.

Мирослава присела.

– Я частный детектив Мирослава Волгина. Меня нанял отец Константина Шиловского, чтобы я нашла убийцу его сына.

– Раскошелился, значит, – усмехнулась Пегова. – А то все сначала ершил, за мощну держался и вопил: «Моя милиция меня бережет!»

– Прямо так и вопил? – невольно улыбнулась Мирослава.

– Не дословно, конечно, но смысл тот же. А теперь нанял вас. Интересно.

– Тамара, мне очень нужна ваша помощь!

– Если нужна, помогу, чем смогу, – покладисто согласилась Пегова.

– Вы хорошо помните тот последний вечер, когда Константин Шиловский был с вами в клубе?

– Вроде помню, – наморщила нос девушка.

– Вы сидели все вместе?

– Нет, что вы! Где же мы там поместимся?

– То есть вы сидели за отдельным столиком?

– За отдельным.

– А почему не парами?

– В смысле?

– Почему мальчики отдельно, девочки отдельно?

– Ах, это, – взмахнула пухлой ручкой с короткими пальчиками Тамара. – Не хотели мешать друг другу.

– Я не совсем вас поняла...

– А что тут понимать-то, – усмехнулась Тамара, – парни клеили девчонок, а мы клеили парней.

– Разве вы не... – Мирослава замялась.

И Тамара пришла ей на помощь:

– Мы друг с дружкой уже давно перетрахались. Новизны нет, и поэтому...

– Разве вы не собирались в будущем выйти за кого-то из них замуж?

– Замуж? За них? – рассмеялась Тамара и, посерьезнев, добавила: – Сначала-то я строила планы насчет Костика, но потом поняла, что только время зря теряю.

– Почему?

– Почему? – переспросила девушка. – А знаете, какая у него была кликуха?

– Скажите.

– Плейбой! Никогда такие не женятся, до старости за ку-

рочками петухами бегают, пока у них хвост не отвалится.

– Какой хвост? – машинально спросила Мирослава.

– Да какой уж есть, – рассмеялась Тамара.

– Понятно, тогда скажите мне: в тот вечер возле Константина много кружилось девушек?

– Да уж немало.

– И он ни одной из них не отдавал предпочтения?

– Да как вам сказать, – задумалась Пегова, – мне поначалу показалось, что он запал на одну малолетку, и так и сяк ее обхаживал. Потом они куда-то исчезли. Я уж подумала, что он ее повел... Ну, в общем, не важно. А потом Костик как-то резко к девочке охладел. Вот и думай тут, то ли добился своего, то ли она отшила его. По крайней мере, Филя ныл, что его девочка отшила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.